

Жанар

Кусаинова



РАССКАЗЫ

МОЙ ПАПА КУРИТ ТОЛЬКО «БЕЛОМОР»

Мой папа курит только «Беломор». Привычка, многолетняя. Как же я люблю этот запах, меня он успокаивает, и, как маленький рыцарь, защищающий меня от всяких бед, пачка «Беломора» всегда в моем кармане или сумке.

Без неё никуда не выхожу. Неприкосновенное, святое, неразменное. Это для папы, хотя мы с папой живём в разных городах и странах.

И всё равно, что мы – чужие люди, у него – полжизни в тюрьмах, он вор в законе, авторитет, а у меня – всё детство в интернате, он считает мои рассказы – глупостью. И всё, что делаю – ерундой. Что за профессия такая – драматург?! И какая из тебя писательница?! Читал, ничего не понял! Скучно!

Когда мы вместе, то ругаемся, орём друг на друга, упрёки-обиды (ты никогда, а ты всегда, ты опять, ты не можешь по-человечески, никогда тебя не прошу, как же я тебя ненавижу), а то и молчим тяжело – нам не о чем поговорить.

Мы почти никогда не звоним друг другу, мы не поздравляем друг друга с праздниками, мы не пишем писем, не шлем посылок...

Мы чужие люди...

Но всё равно, каждый мой месяц начинается с того, что я покупаю пачку «Беломора» (это для него, это для меня...).

А потом, когда бывает грустно, или больно, или радостно, достаю, глажу, вдыхаю запах, родной, знакомый с детства, и появляется чувство, что папа рядом, он защитит, и всё будет хорошо. А если и так всё хорошо, то отец, конечно, разделяет мои радости, мы ведь друг другу...

А в конце месяца отдаю пачку нищему на углу. Так надо.

Нищие уже знают меня в лицо, привыкли, что вот раз в месяц им странная девица отдаёт пачку «Беломора». Когда видят меня, ждут, дежурно протягивают ладонь...

А сегодня утром, я всё перевернула, нет пачки: ни в сумке, ни в карманах. Нет, я не могла её скурить, я не курю, я просто ношу в кармане.

Нет нигде, всех в коммуналке расспросила, никто не видел и не помнит. Дядя Юра – сосед мне свою принёс, а мне не надо, мне надо ту, которая для папы, неразменная.



Глупость, скажете? Глупость, согласна. Но это мой кусочек дома, который далеко. Это мой медный гвоздик из родной стены, крохотулечный кусочек родины здесь, на чужбине.

Я металась по своей комнате, а надо было бежать, звали, искали меня в городе, звонили и требовали, чтобы я пришла. Работа – дела и так далее... А я не могла выйти... Я ведь без неё, как рыцарь без доспехов, я как без кожи...

И, наконец, махнула рукой, ну, видимо, так надо. Высшие силы решили так зачем-то, почему-то. Неизвестно почему.

И вдруг папа позвонил. Из родного города, из другого мира.

Папа спросил строго:

– У тебя что-то случилось? Я уснуть не могу. Ты мне снишься, ты всё мечешься, ищешь что-то. И карманы твои пустые.

– Нет, папа, – ответила я. – У меня всё в порядке, только вот пачка пропала, «Беломора», которая тебе всегда, ты ведь знаешь.

– Ничего страшного, – ответил папа. – Главное, что я знаю...

– Ага! Тогда я пойду?

– Иди, под ноги смотри, и прошу тебя очень, не тусуйся со всякой шушерой, типа твоего Костика...

И снова поругались!

Всё-таки мы чужие люди... Не понимаем друг друга...

И для меня начался день. И был он лёгким и самым счастливым. Я ведь рыцарь, чьи доспехи никогда не заржавеют и не пропадут, ведь даже если я потеряла эту чёртову пачку, не важно – главное, что папа всегда знает.

ВРАЖЕСКИЕ ГОЛОСА

Эта история произошла, когда мы ещё учились в школе. Обычный школьный день начался с общей линейки, после неё все разошлись по классам. Мы заняли свои места, обменивались шуточками и записками. Мы – это ученики младших классов, двоечники и прогульщики.

– Вы, конечно, знаете, что случилось на Украине? – спросила нас пожилая учительница.

По слухам, она ещё помнит Великую Отечественную, похороны Сталина и вообще – ровесница мира, а может, и старше его.

– Нет.

Никто из нас, и правда, ничего не знал.

– А я вам скажу! Чистую правду! А то наводят вражеские органы печати и радио-телевещания на нашу Советскую Родину грязную клевету, а я вам отвечу: это всё пропаганда! А кто будет слушать вот это всё, тот никогда не станет пионером!

Она негодовала.

А мы играли в морской бой и крестики-нолики. Нам было всего-то ничего годков, мы никогда и не слышали про эту самую Украину. И какая может быть, к черту, Украина со всеми её трагедиями, когда вот у Дины собака родила щенков («Дина, вы только прикиньте, пацаны, видела роды щенков сама, расскажи, Дина!»), а у Дамира мама привезла вот какие прикольные игрушки и книжки.

– Так вот! Там произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции!

Мы оживились. Авария – что может быть круче?! Интересно, сильно жажнуло и что-нибудь сгорело? Вот здорово, если бы сгорело хоть что-нибудь, как в фильме про пожарных.

– Вражеские голоса утверждают, что последствия катастрофические. Что в республиках Украина и Белоруссия гибнут люди, земля отравлена радиацией. Так вот, всё это неправда, всё это пропаганда. На самом деле жертв нет, а жителей вывозят планово. И земли вовсе не отравлены. Советские власти принимают решения по этим вопросам. Все последствия аварии будут устранены. А что касается Белоруссии, это даже смешно.

Наша старенькая педагогиня говорила дрожащим голосом. Она от волнения то и дело замолкала, искала слова, пила воду из графина и показывала указкой на карту, вот где находится эта самая Белоруссия, и вот она, Украина.

– Два зелёных пятна. Казахстан всё равно больше, подумаешь, какие-то пятна! – сказала я, и мы с моим другом Дамиром продолжили обмениваться записками.

Учительница пыталась утихомирить наш класс, но куда там, мы не слушали ее, мы были заняты. Детство, жаркий день, солнце.

И только моя подруга Мадина молчала. Она была родом из Семипалатинской области, из той самой, где был ядерный полигон. Она с малых лет слышала это слово в разговорах взрослых – радиация... Она знала то, чего не знали мы... А ещё она знала, что властям верить нельзя, новостям верить нельзя, газетам верить нельзя, врачам верить нельзя, учителям верить нельзя, военным верить нельзя, учёным верить нельзя... И что в нашей стране всё временное становится постоянным, а всё, о чем ты думаешь, что это постоянное, – временно.

А потом в школьном дворе учителя молодые и начинающие спрашивали у нашей классной:

– А зачем вы среди таких малышей проводите агитацию? Они же совсем крохи, им не понять даже. Нам гораздо труднее, мы со старшеклассниками работаем. Они вопросы задают...

Наша классная немедленно потребовала, чтобы они, молодые, выдали ей списки с именами и вопросами, мол, кто чего спрашивал. Обещала проработать ЭТИХ. Чтобы они больше не смели, никогда. Ни за что...

– Вот видите, агитацию надо проводить с самых ранних лет. Если мы не займёмся нашими детьми, ими займутся наши враги.

Затем у её кабинета стояли они – те, кто из черного списка, дети из разных классов. В очереди. Она прорабатывала их по одному. Из класса то и дело вылетали ребята и девочки со слезами и гневом.

– Но ведь я только спросил! Я ведь только хотел узнать... Что, не имею права?

– Не имеешь! Тебе доверили старшие товарищи важную информацию, а ты! Да за такие дела галстук пионерский снять можно...

Я потрогала свой октябрятский значок и честно дала себе слово никогда и никого ни о чем не спрашивать. А то ведь снимут. При всех возьмут и снимут значок. Стыд какой! Ужас! У всех будет значок, а у меня нет. У меня нет! Кошмар!

А еще у нас был скандал. Старший брат Мадины Кайрат взял и самовольно снял свой галстук. Он что-то такое сказал педагогине, ровеснице динозавров, что пришлось вызывать скорую для нашей мадам. Сердце.

Его не пускали в школу без галстука, требовали, чтобы он надел. Вызывали его маму. Мадине учителя грозили: если её брат не сойдёт с гнилой дорожки – его

выгонят из школы. И ничем хорошим это не кончится, это же надо... распустелись совсем.

Учителька написала на него бумагу куда следует, и мальчиком занялись...

К тому времени советские власти уже признались, и что и жертвы были, и что последствия гораздо более серьёзные, чем утверждалось ранее, но нас в нашем крохотном посёлке это не касалось, у нас была своя страна, свои порядки.

Кайрата терзал местный участковый. Ругал его, угрожал, советовал не лезть к старушке, надеть галстук и забыть обо всём. Обещал помочь, на учёт не ставить и все такое. А парнишка стоял на своём. Он видел, он слышал, он знал. Он рассказывал участковому про полигон, про то, как дети болеют в его родных краях, про то, что слышал от взрослых и видел сам, про то, как похоронил отца, как отец умирал от рака. Кайрат говорил и задавал вопросы. А почему и зачем, за что и для чего...

Участковый молчал. Курил. А потом не выдержал:

– Да, тяжело тебе будет с таким характером, пацан. Ну что ж...

Старушка, которая до этого всё время болела, вдруг ожила. Скандал будто излечил её, дал ей силы. Она стала писать письма в районо, в газеты, в журналы, депутатам, в ЦК и так далее.

А потом к нам в посёлок приехала девочка. Говорили про неё, что ОТТУДА. С Украины, её привезли какие-то родственники, здоровье подукрепить... Мамы тайком шептали своим детям, чтобы на всякий случай не подходили, не трогали. Потому что непонятно и неизвестно. Толком-то про это ничего не пишут и не говорят, ни по радио, ни по телеку. А кто знает, а ВДРУГ... МАЛО ЛИ ЧТО...

Она приехала к родственникам. Ей было, наверное, лет пять-шесть. Она говорила на каком-то непонятном языке. И слов, которые говорили наши мамы по-казахски, она не понимала, но что-то такое чувствовала... Она не подходила к нам, видела что-то такое в наших глазах... Мамы следили за нами из окон. Она играла сама по себе, одна...

И только Мадина рисовала классики и прыгала вместе с ЭТОЙ девочкой. Классики – та самая игра, для которой не нужно перевода слов. Есть только прыжки и веселье.

Мадина сказала:

– Однажды я увидела её, она молча рисовала что-то на земле. Её бабушка стирала белье в тазу и иногда на неё поглядывала. Я взяла камень и подошла к малышке. Она испугалась. Не сводила глаз с моего камня. Наверное, думала, что брошу в неё. А я стала рисовать камнем на земле классики и дала ей его. Она смеялась. Бабушка смотрела на нас и вытирала о фартук мыльные руки...

Мы с ребятами хотели к ним, но у наших мам... в глазах строгость и страх. Они слишком хорошо знали, что такое в нашей стране это «А ВДРУГ...»

Они помнили времена и рассказы о том, когда друг становился врагом, когда выгоднее было скрыть своё мнение, происхождение, взгляды и отношения с кем-то. Когда друзья переходили при встрече на другую сторону, не здоровались. Родство с кем-то было грузом и опасностью. Даже твоя национальность могла быть оказаться тяжёлым камнем на шее. Они помнили и знали... это где-то в подкорке, в подсознании, неубиваемое, даже если нас всех загнать в пустыню на сорок лет и дожидаться, когда уйдут поколения тех, кто помнит рабство и в душе раб...

Мне кажется, что в страхе всегда есть рабское, и тот, кто не боится, того не сделать рабом... НИКОГДА.

Старушка всё-таки добилась своего. Кайрата выгнали из школы. И он, и его сестра вместе с мамой были вынуждены уехать из нашего села, чтобы их единственный брат и сын смог закончить школу.

Мы с Мадиной долго не виделись, а теперь вдруг нашли в Интернете. Созвонились. Она живёт в Караганде, вышла замуж, преподаёт в музыкальной школе. Кайрат теперь работает врачом, он онколог. А вот мама их умерла, давно... рак...

Помню, когда Мадина уезжала вместе с братом и мамой, она шла со своим маленьким чемоданом по нашей пыльной старой дороге, а за нею бежали мы – ребяташки. И все глядели на Кайрата, им гордились, его любили, его ненавидели, его презирали, им восхищались, в него были влюблены, его ждали, его прогоняли, его отъезд был облегчением и тяжестью...

Во двор выскочили ребята из его класса, и крикнули ему вслед: «Удачи! Встретимся на перекрёстках!» Он обернулся и махнул им рукой... И ребята не выдержали и подбежали к нему и обняли его на прощание. Учителя кричали им, что накажут за сорванный урок. А ребятам было по фигу... Они виделись в последний раз...

А ТА девочка вскоре уехала из нашего посёлка и наверняка уже забыла про нас, её обижавших, про наших мам, про Мадину и нашу горькую пыльную землю... Где теперь ЭТА девочка?

Нити рвутся, ломаются ветви. Облака сменяются тучами. И самое важное – страх уходит... по капле...

ПРО СВАРЩИКА

В детстве мы все играли в игры. Ну, конечно, в куклы, там, и прочее. У меня их не было, они пугали меня, советские куклы-пионеры со стеклянными глазами. Одинаковые и мрачные, как мёртвые оловянные солдатики.

Случилась однажды со мной такая история. Как-то моя мачеха в очередной раз вместо детского садика повела меня к себе на работу, в кинотеатр. Она работала киномеханицей, а я целыми днями смотрела кино, там же ела и спала, в кинозале. И вот очередное кино про шпионов вдохновило меня на игру в них. Дело было летом, большинство моих друзей оказались за городом, и мне пришлось играть одной. Выбрала себе объект наблюдения – молодого сварщика, который жил напротив, на втором этаже, красивый и очень аленделонистый. У него была комната с балконом, он часто выходил, одетый по пояс, и выгуливал свою аленделонистость.

Девочки рассыпались погибающими букетами под его балконом, а сварщик убивал их своими жестокими равнодушными глазами.

Клянусь страшной клятвой мизинчика, я никогда больше не видела мужчины прекрасней. Никогда. Этот сварщик, похожий на древнего грека, смуглый брюнет с ярко-зелёными глазами... Ах!

Я следила за ним целыми днями, бродила за ним хвостом и рисовала в украденную у мачехи тетрадь, где и с кем он гулял, карту его прогулок и прочее.

И однажды я увидела какую-то даму, ей было, как сейчас понимаю, лет, наверное, сорок или чуть меньше... А ему двадцать – двадцать пять.

Она стояла под его окном, он вышел покурить на балкон, они увидели друг друга и оба не сказали ни слова. Они смотрели друг на друга, не отрываясь, очень долго, так долго, что все притихли во дворе и стали ждать, что же произойдёт.

Напряжение росло. Оно было таким сильным, что никто даже не стал шептаться, мол, кто эта женщина, и зачем она здесь?

Она была очень красивой, и одета с иголки – так, как на нашем Шанхае ни одна женщина никогда не могла себе позволить. Очень дорогая, роскошная дама, эффектная, как кинозвезда. Она молчала и ждала. Он не спустился к ней, он отвернулся и ещё долго стоял так спиной ко всем и к ней в первую очередь и курил свои дешёвенькие сигаретки.

Наконец, она ушла. К сварщику бросились парни, девицы с расспросами, но он отказался с кем-либо говорить и ушёл, хлопнув балконной дверью.

Она приходила ещё несколько раз, и каждый раз по пятницам, и он не спускался к ней. Однажды она стояла даже под дождём, вымокла вся, но его это не волновало. Она ни разу не плакала, только стояла и смотрела на него – молча, долго, так долго, как только можно.

У нас во дворе уже и асфальт, и трава в его трещинках возопили: «Ну кто же она? Кто она такая?!»

Нет, не мать же! Впрочем, он ведь детдомовец, да? Ну конечно, я сама видела его документы в нашем ПТУ. Откуда вдруг у него появится мать?

А может, она его невеста? Нет, не смешите меня! Бывшая любовница, каких у него были тысячи?! Может такое быть? Такая дорогая дама, да неужели? А вдруг она ему платила? Кто его знает?

Грязный смех и сплетни стали расползаться по нашему двору как змеи.

И вот однажды наступила очередная пятница. И все уже собрались под балконом, все ждали представления, все надеялись увидеть и осмеять. Но она не пришла. И он не вышел. Всё было кончено. Их история так и осталась для меня тайной. Кто она и кем приходилась ему? И почему его глаза так горели, когда он смотрел на неё, и отчего он не вышел к ней ни разу?

И в ту пятницу, ту злую пятницу я увидела впервые в жизни, как плачет мужчина. Это плакал сварщик. Он сидел на чердаке, курил и плакал. И он плакал так горько и так печально, что моё сердце заболело. Как говорит моя бабушка, если бы сердце нашло дырочку, оно бы выпрыгнуло.

Сварщик плакал как безумный. Я подошла к нему и отдала свою тетрадку. Я обещала, что не скажу ничего, никому, что больше не буду так делать. А он всё плакал и плакал. С тех пор я всегда чувствую себя виноватой, когда плачут мужчины.

А она больше никогда не возвращалась в наш двор. Вскоре тот парень купил мотоцикл и разбился на нем. А как звали его, я не помню.

ПРО КАЙРАТА И ЕГО БАБУШКУ

Один мой приятель по имени Кайрат работал на телевидении. Был у него широкий доступ к разного рода видео – фильмы, там, мультики, передачи, сериалы. И я, разумеется, этим пользовалась.

Однажды мы с Кайратом поехали погостить к его бабушке.

Кайрат взял с собой видеомэгафон и телевизор, хотел бабулю порадовать, показать ей мультики.

Привёз. «Том и Джерри», «Ну, погоди!» и какой-то турецкий мультик.

Показывает.

Турецкий мультик. Для самых мелких. Там какой-то лис гоняется за птенчиком, и лису вечно достаётся: то на него кирпич упадёт, то он на гвоздь наступит. А птеник живее всех живых.

Бабуля:

– Нет, мне это не нравится. Я не люблю, когда кому-то больно. Выключи это.

Кайрат выключил.

Бабуля:

– Это откуда такое?

Кайрат:

– Это, бабуля, из Турции.

Бабуля:

– Когда у нас в Казахстане голод был, и люди умирали, моя семья разделилась. Одни здесь остались, другие в Турцию уехали, чтобы с голода не погибнуть. Не знаю, добрались ли, спаслись ли... Трудные были времена. Может, и померли все, упокой Аллах их души.

Кайрат:

– У меня ещё есть весёлое. Посмотри, может, тебе легче станет?

Включил «Ну, погоди!». Там волк за зайцем бегаёт туда-сюда, без отдыха.

И тоже страдает серый: то упадёт откуда-то с высоты, то трактор на него наедет или каток.

Бабуля:

– И что тут смешного? Он же от боли чуть не плачет! Не хочу. И где только такое делают?

Кайрат:

– В России, бабушка.

Бабуля:

– А-а-а, знаю. Там мои братья воевали. Ни один не вернулся. Фашистов били. Слушай, а это далеко – Россия?

Кайрат достал откуда-то учебник по географии старенький:

– Вот она. Близко, всего полпальца по карте, если руку приложить.

Бабуля:

– Интересно как. Никогда не видела. Я из нашего аула никуда не выезжала.

Кайрат (с надеждой):

– Хочешь американское посмотреть?

Бабуля:

– Это откуда?

Кайрат:

– Западное.

Бабуля:

– Ну что ж, давай.

Поставил Кайрат «Тома и Джерри». Бабушка опять тяжело вздохнула и попросила выключить.

Села, задумалась.

– Как странно устроен мир, нет в нём мира и порядка. На север пойдёшь, там волка бьют, на запад – там коту больно, на восток взглянешь – там лиса убивают...

Нет в мире добра: иди на все четыре стороны, и всегда найдётся тот, кому горестно. И мне сейчас тяжело дышится. Подумать только, зверятки эти напомнили то, что, кажется, давно отболело, а вот опять же...

Она сложила все кассеты в стопочку и накрыла тёплым одеялом, чтобы все зверята спали спокойно и не мерзли. А ещё она запретила их включать. Чтобы никому больно не делать. Пусть лучше добрые сны видят, чем так носиться друг за дружкой и страдать. И чего смешного в том, что кого-то мучают! Ничего!

А ещё она украдкой дула на этот черный пластик, чтобы боль утихла...

Мы с Кайратом смеялись: неужели она считает, что они там живые? Вот оно, чудо искусства! Надо же, как она поверила во все эти картинки! Это же просто феномен психологический!

Бабуля так и не включала больше видеомэгафон и телевизор. Никогда.

И кто знает, может, она знала о чём-то таком больше, чем мы? То, о чем нам никогда не догадаться.

Не знаю. Вот сижу и думаю. Ничего делать не могу. Только думаю. Совсем как бабуля.

Пойду тоже что-нибудь выключу. НТВ, например. Вдруг в мире станет лучше? В конце концов, настоящее веселье – это когда всем весело, а когда кому-то больно, то это уже не веселье, это уже садизм...

ПРО ЧЕЛОВЕКА-ПТИЦУ

Бабушка моя лечила людей травами, заговорами и разными тайными обрядами. Так вот. Как-то раз в нашем доме появилась одна семья. Жена с мужем и трое детей, мал мала меньше.

Жена плакала, редела в голос. От слёз и крика её лицо и руки стали красными и горячими.

– Как жить, не знаю. Был муж как муж, работал, как люди, в поле на тракторе, не пил, не курил. О детках всегда думал, заботился о них. А что теперь? Вот посмотрите!

Мы с бабушкой посмотрели. Перед нами стоял безумный человек. В рваной рубахе, с растрёпанными волосами, глаза горячие и счастливые. Лицо его сияло, и губы улыбались. Он как будто и не замечал происходящего. Он был где-то далеко от нас. Рука его была привязана к руке жены.

Жена сказала:

– Он решил, что он птица. Что он может летать. Гнездо в саду свил. Зерно ест, воду пьёт из ручья. Над нами все смеются. Дети его стыдятся. А я уйти не могу, как же его одного бросить, совсем погибнет без меня. Вот держу, чтобы не улетел, а то сами знаете, у нас вокруг горы-скалы-пропасти. Бросится откуда-нибудь и разобьётся. Врачи хотят в психушку запереть, а я так думаю: запрут туда однажды и не выпустят никогда. Такое бывало. Люди говорили. На вас одна надежда. Не отказывайтесь, помогите!

Бабушка спросила:

– А что скажете, если верну его в человеческое состояние, только он больше никогда таким счастливым, как теперь, не будет? И никогда не вспомнит даже, что был таким. И только время от времени станет открываться ему какая-то тос-

ка и печаль по тому, чего он и не помнит. Вроде и жизнь хороша, и дети, жена, работа, дом, но чего-то не хватает, а чего – и не ясно. Как тогда? С этим-то как быть? Согласитесь?

Женщина утёрла слезы и кивнула.

Бабушка:

– И нас с внучкой после лечения не вспомнит. Так должно быть. Мы тенями останемся в его памяти. Только и всего. Вот как выйдет за мой порог, так и всё как метлой, из памяти вымело.

Жена вздохнула:

– А мне всё равно, лишь бы вылечился.

Бабушка забрала несчастного в наш дом на несколько недель. И мы стали жить. Она поила его какими-то отварами, укрывала верблюжьей шкурой, жгла перед ним ароматные травы и купала его в травяных настоях. И говорила с ним часами. Пела с ним песни, уводила его в горные ущелья бродить, в ледниковых озёрах нырять. Бросала камни, гадала на кострах, вглядываясь в пламя. Глину тёплую мазала на его плечи.

День ото дня безумному становилось легче. И если прежде речь его была неразборчивой птичьей трелью, то постепенно она превращалась в обычную человеческую. Потихоньку он стал похож на себя прежнего, на тракториста.

И однажды проснулся трактористом. Встал утром, вышел во двор, взял тёплую весеннюю землю в ладони и сказал:

– Пахать пора, земля уже поспела.

Бабушка молча подала ему узелок с хлебом, сыром и кувшином молока. И указала на дорогу. Иди, вот теперь ты готов, теперь тебе самое время возвращаться.

Тракторист ушёл. А моя бабушка по старому уговору в уплату за своё лечение получила от жены этого человека всё зерно, которое тот себе запас, чтобы есть. Мы этим и прожили весну и лето.

И всё бы хорошо, только вот не успела жена вовремя гнездо его сжечь, надо было до возвращения мужа от нас. Как же успеть, когда дом, хозяйство, работа, дети. И всё – одной.

Пришёл он, и стали жить, вроде всё по-прежнему. Как надо.

Только вот утром однажды, когда жена сжигала его гнездо, посмотрел он в огонь и спросил:

– Что это ты делаешь, родная?

– Ничего, просто мусор жгу.

– Мусор?

Он долго-долго смотрел, как пламя уничтожало следы его птичьей жизни. Тревожно стало ему, мучительно, защемило в груди, будто что-то родное погибало в костре.

Но ничего в жизни вроде бы и не изменилось. И дети росли, и поле пахалось, и жена трудилась бок о бок, и будто всё как надо.

Только вот, как предсказывала бабушка, вечерами грустилось ему и тосковалось. Так птицы тоскуют по небу, так люди, которые были птицами, тоскуют по себе – птицам, но не помнят, что они были птицами. Тоскуют, и не находят их тоска дна и вершины. Вроде жжёт в сердце, а о чём – не ясно. Разве у вас не бывает смутной тревоги, как будто пропущено нечто, утеряно в траве?

Прошло много лет. Бабушки уже нет на свете, я выросла, и мои детские черты исчезли, стёрлись, теперь у меня другое, взрослое лицо. И только родинки остались на лице. Те самые, мои.

Однажды шла по улице, уже в Алма-Ате. Мимо меня прошёл какой-то мужчина, старше меня. Я его не сразу узнала, но это был он, Птица. А он сначала прошёл мимо, а затем быстро вернулся, догнал меня, схватил за локоть и заглянул в лицо.

– Я вас знаю?

– Не думаю, нет, конечно!

– А вы меня?

– Откуда? Вам показалось. Простите, я тороплюсь.

Я выскользнула из его рук и исчезла в толпе.

– Мы останемся только тенью в его памяти, – говорила бабушка. – Только тенью.

И если ты был птицей и оставил всё это за бортом, то незачем тебе помнить и ни к чему тебе напоминать об этом.

В пути я обернулась, затылком почувствовала – смотрит вслед. Грустный, тревожный, испуганный чем-то неизвестным и оттого – пугающим. Смотрел и молчал. Долго-долго.

«Человек-птица! Прощай!» – сказала я про себя и ушла. И больше никогда его не видела.

И, честно, я сама иногда чувствую себя такой. Рука привязана к руке, и никому не радостно от моего счастья.

Жанар Кусаинова – писатель, драматург, сценарист. Родилась в Алма-Ате. Выпускница Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения по специальности «сценарист». Пишет пьесы и сценарии для фильмов и передач. Проза Ж. Кусаиновой публиковалась в журналах «Нева», «Простор», в различных сборниках. Пьесы входили в шорт-лист драматургических фестивалей «Евразия.орг», лонг-лист фестиваля «Премьера.тхт». Лауреат фестиваля «Драма-Слэм 2007», финалист фестиваля «Любимовка». Книга Ж. Кусаиновой «Мой папа курит только “Беломор”» попала в шорт-лист премии «Рукопись года 2013» и удостоилась премии «Живая книга».

